

18+

Ирина Арсентьева

Solo Piano
Терезии
Пасюк

Ирина Арсентьева
Solo Piano Терезии Пасюк

«Издательские решения»

Арсентьева И.

Solo Piano Терезии Пасюк / И. Арсентьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983135-4

Серая крыса Терезия, четверть века прожившая в доме учёной Марфы Пасюк, посвятившей жизнь созданию «вакцины молодости», даёт показания генерал-полковнику ФСБ В. В. Путейцеву. Исповедуясь, она рассказывает историю семьи и протягивает связующую нить между прошлым и настоящим. Терезия Пасюк раскрывает Путейцеву тайну создания лекарства против прогерии, разработанного немецким врачом Иосифом Нойманом и его сыном Томасом. Крыса передаёт Путейцеву часть вакцины с целью выполнения им великой миссии.

ISBN 978-5-44-983135-4

© Арсентьева И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Марфа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Solo Piano Терезии Пасюк

Ирина Арсентьева

Дизайнер обложки Ксения Алексеева

© Ирина Арсентьева, 2020

© Ксения Алексеева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3135-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То, что предназначено тебе, никогда, ни при каких обстоятельствах, не будет принадлежать кому-либо другому...

Арабская пословица

Пути избежать того, что предназначено тебе судьбой, не существует. Всё произойдёт именно так, как должно произойти. С каждым днём, с каждой ночью будущее неумолимо надвигается на нас, превращаясь в настоящее.

Чак Паланик «Невидимки»

Пролог

Владимир Владимирович Путейцев вылетел в Катынск специальным рейсом. Он принял решение лететь незамедлительно, отложив все дела, ещё до того, как трубка телефона заняла привычное место на массивном чёрном аппарате с многочисленными кнопками для связи. Это было не в его правилах – обычно он тщательно взвешивал все за и против, прежде чем принять единственно правильное решение, потому что не имел права ошибиться. Но сегодня он изменил правилам.

Вертолет «Ка-226» оторвался от земли; вначале он слегка покачивался, набирая высоту, но уже через минуту сделал крутой разворот и устремился вперед. Несмотря на тяжёлое снаряжение, он маневрировал в воздухе подобно стрекозе. Шума двигателя почти не было слышно, и пассажир, прильнув к стеклу иллюминатора и всматриваясь в нарезанные квадраты и прямоугольники огородов и полей, собранных в огромное лоскутное одеяло, погрузился в свои мысли.

Воспоминания тридцатилетней давности унесли Путейцева в Гейдельберг, где он, майор КГБ, работал во внешней разведке под прикрытием преподавателя знаменитого университета на кафедре юриспруденции. Он прекрасно владел немецким, и чтение лекций было одним из способов его совершенствования.

Изучая старые архивные материалы Гейдельбергского университета, он обнаружил дело молодого профессора Томаса Ноймана, который пропал при весьма странных и невыясненных обстоятельствах. В нескольких толстых бумажных папках этого дела, которое вёл старый детектив Ганс Гофман, были зафиксированы интересные факты из жизни учёного. Внимание молодого разведчика Путейцева привлекла тогда идея разработки вакцины, предотвращающей старение организма, на основе компонентов животного происхождения, высказанная Нойманом. Теория «вечной молодости», публично высмеянная на одном из учёных советов светилами биомедицины, не получила одобрения и не была включена в план работы кафедры. Несмотря на это, Томас Нойман решил продолжать дело отца, и формулу «эликсира молодости» ему пришлось выводить втайне от всех. Длительные по продолжительности опыты проводились в лаборатории в ночное время. Об этих опытах профессора Ноймана рассказал следователю вечный завистник Томаса ещё со студенческих времён Гюнтер Майер, который отличался нескрываемым подострастным отношением к некоторым преподавателям и желанием доносить на других их коллег и отдельных, особо одарённых, студентов. Нойман никогда не скрывал своего истинного отношения к Майеру, чем и вызывал у последнего постоянное желание мстить.

Гюнтер мстил Томасу всегда и за всё. Он вынюхивал, выслеживал, складывал пазлы добытой информации в единую картину с одним только неуёмным желанием отомстить.

Он уже и сам точно не знал, чем и в какой момент насолил ему Нойман. Он всегда помнил только презрительный взгляд Томаса – тот словно неожиданно открыл для себя мерзкое существо, неизвестное доселе никому на свете и, наступив на него, увидел тошнотворное разлагающееся содержимое. И этот взгляд с тех пор не отпускал Майера и беспокоил его даже во сне.

Когда Нойман вдруг пропал, не явившись однажды на лекцию, Гюнтер Майер испытал истинное успокоение, и с этого дня его уверенность в том, что ненавистный взгляд больше не побеспокоит его, крепла и обживалась в сознании. Поэтому все те небольшие сведения о секретных опытах Томаса Ноймана, которые ему с большим трудом удалось накопить, он с радостью отдал «быкам», опрашивающим преподавателей и студентов Гейдельбергского университета на предмет того, кто что видел, и кто что знает.

Внимание Путейцева привлекла тогда фамилия русской студентки Марфы Пасюк, фигурирующая в деле о загадочном исчезновении профессора. Она работала у Ноймана младшим лаборантом, и хотя об их связи в деле ничего конкретно сказано не было, Путейцеву не трудно

было предположить, что между Пасюк и Нойманом могла быть любовная связь по одной только причине – они были молоды, умны и свободны. И, как отмечали многие, отличались свободомыслием и авантюризмом в науке.

И вот теперь, много лет спустя, фамилия Пасюк, извлечённая начальником следственного отдела Николаем Николаевичем Александровым из донесения следователя Новичкова Александра Семёновича, прозвучала вновь. Из доклада следовало, что информация, полученная в ходе следственных действий, отнесена к разряду «особых» вопросов государственной важности, и это заставило его, генерал-полковника ФСБ Путейцева, незамедлительно вылететь в Катинск. Он внимательно осмотрел кабинет, следуя скорее многолетней привычке, чем желанию обнаружить какой-то беспорядок и, резко развернувшись, уверенным шагом вышел, захлопнув за собой тяжёлую массивную дверь.

Через час вертолёт приземлился на небольшой военной базе; лопасти пропеллера успокоились в тягучем жарком воздухе, хвост нервно дрогнул и застыл. А ещё через двадцать две минуты чёрный фольксваген доставил Путейцева к зданию следственного отдела Катинска.

Владимир Владимирович сидел в крошечной полутёмной допросной, куда с минуты на минуту должны были доставить странного свидетеля недавнего преступления. Он с нетерпением ждал этой встречи, проигрывал её в уме, формулировал вопросы на всех известных ему языках. Он давно знал, что эта встреча неизбежно должна произойти. Но даже учитывая многолетний опыт работы в разведке, не предполагал и не мог заранее предположить всех её обстоятельств. И о своём необычном собеседнике, которым должен был стать свидетель недавнего преступления, узнал только несколько часов назад. Он впервые за многие годы был по-настоящему изумлён.

Свет настольной лампы упал на место для допрашиваемых, и Путейцев увидел две маленькие бусинки чёрных глаз на острой мордочке, безостановочно вибрирующие усы и пронизывающий взгляд. Человек и крыса пристально посмотрели друг на друга и, казалось, поняли всё, о чём знали и о чём хотели узнать.

– Здравствуйтесь! Расскажите о себе, – задал единственно правильный вопрос Путейцев. Голос его был жёстким, слова звучали отрывисто. Носок ботика два раза легко и беззвучно коснулся каменного пола: он всегда так делал, когда хотел сосредоточиться на главном.

Крыса заняла освещённое место в центре стола и встала на задние лапы, опершись для равновесия на хвост. Взгляд её выражал полную уверенность в том, что она наконец нашла того, кого ожидала всю жизнь – равного себе по интеллекту и проницательности. Такого человека она никогда доселе не видела, и ей впервые захотелось рассказать ему всё, о чём приходилось молчать четверть века.

Её исповедальную историю никто другой не мог слышать – Владимир Владимирович считывал её на уровне подсознания. Он слегка прищурился, как он это обычно делал на серьёзных переговорах, и размеренно постукивал носком ботинка об пол...

– Дамы и господа, разрешите представиться! Терезия Пасюк, – нарочито пафосно начала крыса, представляя воображаемую публику. Она вытянула вперед лапу и слегка поклонилась. Затем приняла более удобную позу, сложив лапы на груди, и, казалось, уже ничто не могло остановить её. – Кто дал мне это имя, точно не припомню. Но подозреваю, что это сделал кто-то из обитателей старого деревянного дома, где я проживаю со дня рождения. Было это ровно двадцать пять лет назад. Моя мать принесла в тот день тринадцать малышей. Я была тринадцатой...

Вы, наверное, уже догадались по моей фамилии, кто я? Да, я – серая крыса. Обыкновенная серая крыса или пасюк. Нужно отметить, что моё видовое название вовсе не говорит о моей «серости». К вашему сведению мою окраску правильнее будет называть не серой, а агути. А, как сами понимаете, агути звучит гораздо солиднее и благопристойнее.

Я – серая крыса, и моя внешность точно соответствует описанию, которое вы, если захотите, без труда можете найти в любом учебнике зоологии. Острая мордочка, наделённая необыкновенным устройством – подвижными вибриссами. Острая мордочка – признак многих, а вот такими вибриссами, как у меня, мало кто может похвастаться. Именно они, вибриссы, которые вы попросту называете усами, позволяют мне молниеносно оценивать любую ситуацию. Вам, людям, как и многим другим представителям животного мира, нужно время, чтобы обдумать, взвесить и принять решение. О вас, уважаемый, я не говорю. Вы, по всему видно, – исключение. Вам, как и мне, много времени не требуется, – она уважительно склонила голову и одобрительно посмотрела на Путейцева. – А вот некоторым необходимо много времени. Другим – очень много времени. А иным любого времени не хватит. Мне же, чтобы сориентироваться и принять решение, требуется одно мгновение. Точнее – сотая доля мгновения. Усами, в отличие от людей, я вижу, слышу, ощущаю запахи и ощупываю территорию. Как верно сказано о моих усах в тех же учебниках – каждому крысиному усика соответствует определённая зона мозга. Не совсем уверена, что это именно так, но вот на счёт какого-то седьмого чувства, названного интуицией, я бы поразмышляла. Пожалуй, у меня единственной из многочисленного царства животных развита эта интуиция. Да такая, что вам и не снилась! А какой интеллект! В непроверенных источниках, которым я не доверяю, сказано, что он превышает интеллект кошки. Ох, и глупцы эти люди! Сравнить меня с кошкой!!! Фи, какая необразованность! Я бы согласилась на крайний случай быть поставленной в один ряд с дельфином, но только не с кошкой!!! Такое утверждение я считаю для себя просто унижительным!!!

Кроме усов у меня есть голый щетинистый хвост. Вообще-то щетинки ощутимы, только если провести рукой против шерсти. На самом деле он довольно гладкий. По моему мнению он очень украшает меня, хотя на первый взгляд напоминает грубую плетку. И я совершенно не понимаю, почему именно он вызывает у вас необоснованное чувство страха. Ведь я его никогда не использую в качестве орудия нападения или защиты. Висит себе хвост спокойно и висит, – и она пропустила упругий, извивающийся подобно змее хвост через замкнутые колечком лапы. – Чтобы немного успокоить вас по поводу хвоста, скажу ещё вот что. Тонюсенькие волоски, покрывающие его, которые все и называют щетинками, используются, между прочим, при операциях на глазах. Так что прошу учитывать мой неоценимый вклад в современную офтальмологию.

Моя меховая шубка цвета агути, и я вас очень прошу именно так обозначать её цвет, тоже хороша, несмотря на то, что имеет не совсем опрятный вид из-за длинных, вечно торчащих во все стороны волосков, жёстких, как проволока. Но если посмотреть на меня, выходящую из воды, то даю вам честное слово, от меня невозможно отвести взгляд – перед вами само совершенство, – и она грациозно выгнулась, чтобы Путейцев имел возможность рассмотреть её всю. – А если начать разбираться по существу, то окажется, что я очень похожа на вас. Говорят, что если меня увеличить до роста человека и распрямить скелет, то можно обнаружить необыкновенное сходство в нашем строении. Суставы у нас с вами устроены абсолютно одинаково, а кости имеют равное количество деталей.

Именно поэтому нас, крыс, считают лучшим модельным объектом для исследований, разработки методов лечения и предупреждения болезней человека. В связи с этим нам прощают даже то, что в год каждая из нас съедает около двенадцати килограммов продуктов и ещё больше пищи делает негодной. Статистика, а это, на мой взгляд, довольно-таки точная наука, говорит, что каждый шестой фермер на Земле кормит не людей, а крыс. Ну, что ж! С этим приходится мириться. Человечество прощает крысам все неблагоприятные деяния в благодарность за то, что имеет возможность использовать нас для изучения генов и разработки новых лекарств. В одном из учебных центров, как я слышала, открылся памятник «Мышь, вяжущая нить ДНК». Не каждое животное может похвастать таким уважительным к себе отношением. И опять позволю вам заметить, мышь – не крыса, хотя тоже является лабораторным живот-

ным. Она рядом с крысой даже стоять не имеет права. По уровню развития, конечно. Поэтому делаю заключение, что скульптор, создавший это величайшее и единственное в мире произведение искусства, посвятив его огромной группе мышевидных грызунов, отдавших жизнь во имя науки, вероятнее всего был невежей, в тонкости анатомии не вникал, и грызуны для него были все на одно лицо.

На этом, пожалуй, я закончу короткую лекцию о пасюках и перейду к рассказу о своей жизни, которая началась в тот день, когда моя мать двадцать пять лет назад принесла многочисленный по всем меркам науки для первого раза приплод. Я была тринадцатой.

– Расскажите о доме, в котором прошла ваша жизнь, – Путьцев ненавязчиво продолжал вопрос, отмечая про себя, что и рассказ крысы, и сама она увлекает его всё больше и больше.

Образы неожиданно стали оживать один за другим, дух старого деревянного дома с остатками прежней каменной облицовки на стенах заполнил маленькую допросную комнату, и Путьцев вместе со своей собеседницей оказался на окраине Катинска.

– Я живу в этом старом, повидавшем многое на своём веку доме уже четверть столетия. Скажете, что крысы не живут так долго, и будете правы. Мать моя не прожила и года, а её первые малыши и месяца. Вот здесь, в углу кладовки, лежат их мумии. Не нужно кривить нос и закатывать к небу глаза! И «фу, какая гадость!» тоже говорить не нужно. Мумии лежат ровными рядочками на полочке ни много ни мало, а двадцать пять лет. Ничего удивительного! В этом странном доме, не похожем на другие дома, хранят всё, даже мумии крыс!

Грустно и больно вспоминать о том, что произошло за эти годы, и тем более рассказывать об этом. И тем не менее я попытаюсь вспомнить всё до мельчайших подробностей.

Родственники мои передохли, словно мухи от дихлофоса, в этом чудовищном доме с ужасающим интерьером и выворачивающими нутро наизнанку запахами старости, одиночества и психического расстройства. Как его там называют медики? Синдром Плюшкина? Синдром, так синдром. Пришлось мне, не лишённой, как мне кажется, здравого рассудка, с этим синдромом сожительствовать многие годы. И с его обладателями тоже. За двадцать пять лет я ко многому привыкла и со многим смирилась. Уйти предлагаете? Можно было, конечно, и уйти. Но нужно было принимать такое решение с самого начала. Теперь уже поздно. Да и куда мне идти? Ведь это и мой дом тоже.

Вернее, это – мой дом со всем его содержимым и этой запутанной историей, единственной хранильницей которой я теперь являюсь.

Так вот. Кто на самом деле дал мне это имя Терезия, так и остаётся загадкой. Влад или его мать, дух которой вот уже лет пятнадцать бродит по дому, шаркая стоптанными и изношенными до дыр тапками, и не оставляет его. Скорее всего мать...

Да, да, все началось именно с этой старой маразматички Марфы Петровны, решившей в свои сто с лишним лет покинуть наш грешный мир. Устала ли она шаркать стоптанными, изношенными до дыр тапками, или на это была какая-то другая причина, мне неизвестно. Только однажды надумала она умереть. Правда, как только надумала, так в тот же день об этом забыла и ещё лет пять после отведённого себе самой срока пожила, поскрипела деревянными половицами. Словно забыла что-то и прибавила ещё несколько лет для того чтобы завершить все недоделанные земные дела, о которых неожиданно вспомнила.

Марфа

Марфа Петровна была женщиной властной и от своего близкого, а иногда и не очень близкого окружения требовала беспрекословного подчинения, полного обожания и даже некоторого любования. Любоваться особо было не чем. Вы уж поверьте мне на слово. Размеров она была громадных при очень высоком росте. Лицом не вышла, и даже в дни былой молодости мужскому глазу там не за что было зацепиться. Страшна была на мой взгляд. О женщине, а тем более о девушке, так говорить не принято, и всё же по-другому не скажешь. Я сужу о внешности Марфы по тем портретам, которые украшали стены дома ещё при её жизни и остались нетронутыми до сегодняшнего дня. Пожелтевшие от времени портреты так же, как и я, хранят историю семьи Пасюков. Я-то тоже, как вы понимаете, получила свою фамилию по праву родства с этим семейством.

Марфуша родилась в известной семье, которая проживала в самом центре старого Катинска. Сейчас такой район назвали бы элитным, а тогда это был просто-напросто центральный квартал со всеми, свойственными ему традициями и устоями. Катинск не всегда был таким, каким помнила его Марфуша. Город несколько раз переименовывали и до её рождения, и после, а однажды даже отстроили заново.

В какой-то год зима была настолько снежной, что Катинск, неудачно построенный между двумя реками Ижень и Заряна, затопило полностью. Дома стояли в воде по самую крышу. В середине лета, когда вода сошла полностью, образовались болота с тучами серого гнуса и невыносимым запахом болотных газов. Князь Григорий Александрович Потемкин, по приказу которого и был основан Катинск в честь Великой Императрицы Екатерины, предупредил о возможном затоплении низины водами разливающихся рек и поэтому был очень зол и разгневан, когда его предсказания сбылись. Он тотчас приказал заложить и отстроить город заново на высоком берегу Иженя. Тогда старый Катинск отдали на растерзание крестьянам, и те разнесли его по бревнышкам. И вскоре построили новый.

Идея возведения идеального города, каким первоначально задумывал Катинск Григорий Потемкин, не была воплощена в силу некоторых причин. Однако основные идеи, заложенные в плане градостроительства, постепенно реализовались. Модель развития нового города была основана на самых передовых европейских идеях того времени. Архитекторы строили Катинск по строгому классическому плану – прямые линии улиц, квадраты площадей, амбициозные сооружения и архитектурные ансамбли.

К тому времени, как отец Марфуши женился на её матери, во вновь построенном городе наряду с деревянными домами уже было множество каменных, работали всевозможные заводы и заводишки, были возведены здания железнодорожного вокзала и нескольких культурных заведений. С открытием железной дороги и строительством моста через Ижень жизнь города кардинально изменилась, и вскоре Катинск стал крупным промышленным центром.

В городе были больницы, скорая помощь для людей и животных, аптеки, классические гимназии, женские и мужские коммерческие училища, музыкальные, торговые и железнодорожные школы, духовная семинария, библиотека, культурные и игорные заведения. Многочисленные сады и скверики, приспособленные для гуляния, казалось, собирали по вечерам всё население города.

Несмотря на быстрое своё развитие, он продолжал оставаться для жителей уютным и тёплым. Утопая в зелени, он давал каждому защиту и какое-то чувство особенного покоя. Маленькие, вымощенные булыжником, улочки увлекали прохожих в тенистую прохладу, аккуратные дворики с цветочными клумбами и разноцветные палисадники являлись примером исключительного ландшафтного дизайна. Да и сами здания представляли настоящие произведения искусства. Строители особняков соревновались между собой в украшении фасадов скульптур-

ными элементами. Излюбленные мотивы были нехитрыми – хорошенькие упитанные амурсы или их головы, изображения зверей, чаще всего львов. Они так же, как и многое другое, являли собой пример подражания европейской культуре.

Улицы города освещали фонари, и казалось, что ни в одном городе не было так светло и безопасно в ночное время, как в нём. Под покровом ночи покой горожан охранял известный полицмейстер Иван Ивкин сорока пяти лет, любивший работать в ночную смену. Он выходил на улицы в штатской одежде, скрытой длинным серым плащом, чтобы без предупреждения проверить работу постовых и застать их врасплох. Сам же, удовлетворяя своё патологическое любопытство, заглядывал в окна нижних этажей, в рестораны и игорные заведения.

Его длинное и худое, как палка, тело металось, словно тень, в потёмках от одного дома к другому, временами сливаясь с чёрными стволами деревьев. Было удивительным при его большой любви к жирной пище иметь такой желчный истощённый вид. Если учесть, что он всегда помногу ел, то было непонятно, в каком отделе его тела помещается поглощённая пища. Глядя на его постоянно жуящий рот и втянутые при этом щёки и живот, создавалось впечатление, что он с детства не доедал или болел кишечным глистом.

Ивкину не представляло никакого труда держать под контролем все одноэтажные домики, коих в городе оставалось ещё огромное количество, заглядывая в глазницы их окон. А вот маленькие, врытые наполовину в землю подвальные оконца давались ему непросто. Приходилось каждый раз наклоняться к самой земле, чтобы заглянуть в них. При этом он быстро складывался пополам и всем своим видом напоминал деревянный циркуль. Со стороны казалось, будто опытный чертёжник ловким движением руки превращал в прямой угол открытый на сто восемьдесят градусов инструмент. Обычно это продолжалось почти до самого утра – он то вытягивался во всю длину, то, переместившись на несколько шагов, тут же складывался снова.

Ивкин научился подсматривать в дверные глазки ещё в детстве, когда жил вместе с матерью в коммунальном бараке. И эта привычка, оставшись с ним на всю жизнь, оттачивалась и была доведена за годы службы до совершенства. Теперь же привычка была оправдана его заботой о порядке в городе и покое горожан, поэтому никого не смущала и воспринималась как должное. И сам он тоже поверил, что это – неотъемлемая часть его профессии, обязанность, если хотите.

Варвара Михайловна – жена Ивана Ивкина, которой на вид можно было дать не больше тридцати лет, была полной его противоположностью. Гладкая, не имевшая морщин кожа Варвары была белой и сохранила лёгкую розоватость на пухлых щёчках, и от этого возраст её хозяйки трудно было определить. Флегматичная, неэмоциональная и малоразговорчивая Варвара отличалась удивительной нерасторопностью. Она была такой маленькой, что едва доставала до подмышки своего супруга. Не было смехотворнее зрелища, когда они прогуливались по вечернему городу. Длинный сухой Ивкин мерил мостовую огромными шагами в вычищенных до блеска сапогах, а рядом семенила, почти бежала, чтобы успеть за ним, кругленькая, как пончик, Варвара, крепко ухватив супруга под руку. И это был, пожалуй, единственный пример, когда она куда-то спешила. Ивкина очень гордилась своим мужем и не переставала любоваться его тёмно-синей формой с позолоченными пуговицами, придавая ей исключительное значение в своей женской судьбе. Она была домовита и обеспечивала Ивану спокойную сытую жизнь. Дома ходила, распустив длинные светлые волосы, прикрывающие почти всю её спину, объясняя это частыми мигренями. Платья носила свободные и мягкие, дабы не затруднять движения располневшего за последние годы тела. Сидя в кресле, слушала утренние рассказы мужа. Всё, что тому удалось подслушать и подсмотреть за время ночного дежурства, воспринимала с большим интересом и серьёзным видом. При этом всегда мило улыбалась мужу, неторопливо сматывая маленькими пальчиками овечью и козью пряжу в аккуратные моточки. Кивала в знак согласия, иногда вздыхала, охала и незаметно следила за тем, чтобы прожорливому полиц-

мейстеру хватило еды, и чай в стакане с серебряным витым подстаканником был горячим. Чай Ивкин очень любил, особенно со сливовым вареньем, и казалось, пил его безостановочно. По крайней мере, стакан его всегда был полным и дома, и в кабинете полицейского участка. Дети Ивкины не обзавелись по неизвестной для жителей города причине и поэтому всецело принадлежали друг другу. Пылкой страсти меж ними давно не было, зато в каждом их взгляде и слове угадывалось глубокое уважение и благодарность друг другу.

Как только Ивкины утратили всякую надежду на появление в их семье наследника, они решили взять на воспитание собачку. Вскоре приобрели щенка какой-то неизвестной редкой породы с отличной родословной за довольно солидную сумму у местного заводчика собак. Фани, а это кличка значилась в собачьей родословной, должна была заменить им ребёнка. К великому удивлению Ивкиных собачонка оказалась обычной гладкошёрстной дворняжкой, небольшого роста, белого окраса с рыжими подпалинами на боках и длинных ушах. Но выросла она на удивление всем умной и, кажется, понимала не только каждое слово хозяев, но и взгляд, и настроение, и даже читала мысли. Её глаза янтарного цвета с вкраплениями тёмной охры выражали все свойственные человеку эмоции – она могла улыбаться, хмуриться, грустить, не имея при этом мимических мышц. В доме она вела себя, как подобает воспитанной собаке. Но на прогулке неуёмная энергия её вырывалась наружу – Фани не переставая бегала, запрыгивала на стволы деревьев, гонялась за голубями и воробьями. Варвара в силу своей медлительности вскоре перестала с ней справляться и переложила эту обязанность на старшую сестру Ивкина – Глашу, которая после прогулок долго не могла отдышаться и, сидя на маленьком стульчике, жаловалась Варваре на то, как Фани её утомляет.

Глафира, такая же тощая и некрасивая, как и брат, уже несколько лет жила с Ивкиными. Младший брат Иван приютил её из жалости. Оставшись старой девой, она долго мыкалась, пока не вымолила у брата угол. Казённая квартира полицмейстера была небольшой, но комнату для сестрицы Иван выделил. Так незаметно она прижилась, став для родственников кухаркой и домработницей. Много времени проводила на кухне, выполняя поручения Варвары, прислуживала брату за завтраком и обедом. И только вечером, когда полицмейстер удалялся на ночной обход, могла поговорить с Варварой о хозяйственных делах и услышать от той последние городские новости.

Гордостью Катинска в это время стали трамваи, которые перемещали горожан по длинным улицам. Трамвайные звонки будили жителей и сопровождали весь день. Их весёлый перезвон был слышен до глубокой ночи. Как только последний трамвай уходил в депо, город затихал и погружался в сон.

Тогда автомобили ещё не успели превратиться из роскоши в средство передвижения, и настоящий электрический трамвай стал основным видом транспорта, сменив «ванек», «голубчиков» и «лихачей». Пароконные трамваи ходили только в центре города и просуществовали совсем недолго. Они не прижились из-за неудобного для лошадей рельефа так же, как и бензомоторные трамваи.

На открытие первой трамвайной линии съехалась вся городская элита. В день её запуска на протяжении шести километров трамвайного пути толпился народ. В два часа дня к трамвайному парку на площадь приехал губернатор Катинска Иванов с супругой, а также городские чиновники и богачи. Гости расположились в шести зелёных вагончиках, украшенных флажками, шарами и лентами. Губернаторша Аполлинария Иванова принарядилась по случаю праздника в дорогое платье и шляпку цвета насыщенной пудры, выписанные ею по каталогу из Англии. Такой цвет совершенно не соответствовал весёлому жизнерадостному характеру хохотушки Полечки, как называли её родные, и она с большим удовольствием надела бы лиловое или изумрудное платье из тафты, привезённые ей супругом-губернатором из последней поездки во Францию. Но как истинной даме ей тоже приходилось придерживаться в одежде английских канонов. Она перерезала красную ленточку на воротах станции, и первый трамвай

вышел на маршрут. Вся городская знать вместе с губернаторской четой и их дочерьми-двойняшками взошла на ступеньки первого вагончика и, разместившись на новеньких сиденьях, отправилась в поездку. Оркестр, занявший место в центральной части вокзальной площади, маршем возвестил о начале нового этапа в развитии общественного транспорта в Катынске. На первом трамвае была размещена реклама швейцарских часов «Омега».

Купцы и торговцы проживали в самом центре Катынска, в основном на Екатерининском проспекте. Излюбленным местом купечества и дворянства был Английский клуб, который считали главным заведением, предназначенным для времяпровождения высшего городского общества. Авторитет клуба был очень высок, и гости города считали своим долгом нанести первый визит именно туда.

Сказалась мода на всё «английское» в дворянской культуре. Название клуба лишний раз давало повод подчеркнуть, что «и мы не хуже». Правда, ничего сугубо английского в нём не было.

Однако с самого начала существования у клуба появилась особенность, которая отличала его от других заведений такого типа – он был внесословным. Его членами были и дворяне, и купцы, и чиновники. Это было связано с ограниченностью круга городской элиты. Ведь в целом население города было ещё сравнительно небольшим.

По меркам того времени Английский клуб был «гигантом» в два этажа, с трёхэтажной центральной частью. Фонтан, ставший украшением небольшого парка, в котором и размещался клуб, представлял традиционную каменную вазу с обвитыми вокруг неё виноградными стеблями с листьями и гроздьями. Очищенная вода подавалась в фонтан редко в связи с её дефицитом, поэтому на вырывающиеся из вазона поблескивающие на свету струи собирались поглазеть все присутствующие. Неоготическая архитектура клуба с вычурными колонками, фризами и фонтаном смотрелась совершенно экзотично среди большого числа остающихся наряду с современными постройками деревянных домиков и лабазов.

В дневное и вечернее время здесь собирались мужские компании. Время проводили за беседами по различным вопросам – деловым, политическим и даже культурным. Играли в карты, курили, обедали и ужинали. Там же членов клуба угощали самыми изысканными напитками. Шампанское гостям приносили непременно в серебряном ведёрке со льдом.

Отец Марфуши, Пётр Алексеевич, любил холодное шампанское так же, как и карточные игры. Он был азартен и редко проигрывал. Однажды он выиграл дом, который в прошлом принадлежал протоиерею Григорию Градницыну. Семья протоиерея была большой, и поэтому на участке земли, перешедшем ему от коллежского асессора Павла Абрамовича, был выстроен большой деревянный дом на десять комнат с окнами на четыре стороны и огромным садом. Когда Градницын решил продать участок с домом, покупателем выступил купец Саморуков, у которого Пётр Алексеевич его и выиграл в карты. В этот дом он привёл молодую жену. Здесь родилась и Марфуша.

На тихих улицах, прилегающих к городскому центру, размещались дворянские усадьбы и особняки. Магазинов и лавок здесь не было. Купцы жили в торговой части города, занимая верхние этажи своих магазинов. Владельцы же предприятий жили на городских окраинах, в особняках, построенных при своих заводах и фабриках. Пётр Алексеевич, будучи по сути своей предпринимателем, стал сдавать двухэтажный дом при своём заводе инженерам, приезжающим в город на работу, внаём, а сам переехал в особняк протоиерея.

После надлежащего ремонта и внешней отделки особняк приобрел необычайно привлекательный вид. Он выглядел немного таинственным в густой зелени тенистого сада. Среди старых яблонь и черешен пряталась маленькая деревянная беседка, которая во вьющихся стеблях дикого хмеля, закрывающих её со всех сторон, была совершенно незаметна постороннему глазу. По всему было понятно, что это место предназначено для тайных свиданий и душевных разговоров. Дорожки, ведущие к главному входу усадьбы, выложенные речной галькой,

с обеих сторон украшали кустики сирени, боярышника и белой акации. Террасу с трёх сторон оплетали устремившиеся к небу толстые змеевидные лианы винограда. В хороший год урожай винограда был настолько большим, что погреб не вмещал всех винных фляг, и часть их зарывали в земляном погребе прямо в саду. Окна дома выходили на четыре стороны, и под каждым из них была разбита округлая клумба с ограждением из белого мрамора. Клумбы были густо засажены цветущими растениями многочисленных сортов, и от этого создавалось впечатление, что неопытный художник смешал все имеющиеся краски на палитре, но, нанося на холст небрежные мазки, сам того не предполагая, получил безукоризненную по сюжету картину. Сладкие запахи врывались в окна и, смешиваясь друг с другом, наполняли комнаты ароматом бесконечной радости. Казалось, счастье поселилось в этом доме надолго. Монотонное жужжание пчёл подчёркивало состояние покоя и умиротворения.

Некогда деревянные стены дома получили каменную облицовку с гипсовыми барельефами по цоколю. На перилах маленького балкончика, козырьком выступающего над террасой, сидели два маленьких мраморных амурчика, держащие в руках изогнутые луки и, казалось, были готовы в любую минуту выпустить любовные стрелы в каждого, кто входил в дом.

Стены всех комнат велено было оклеить модными шёлковыми обоями с цветочным принтом, и лишь кабинет Петра Алексеевича оставался обшитым деревом светло-янтарного цвета. Вся старая мебель была распродана и раздарена родственникам за исключением выдавшего виды фортепиано, не захотевшего менять местожительства и вписавшегося в новый стиль дома как нельзя лучше. Кроме старого, но добротного по звучанию немецкого фортепиано в огромной гостиной разместились несколько диванов и кресел, а также большой дубовый обеденный стол со стульями, обитыми тканью в тон обоям. Мебель была заказана в лучших европейских магазинах, но это не мешало ей соседствовать с исконно-русскими предметами быта – сундуками, самоварами, которые Пётр Алексеевич обожал и не мог устоять перед тем, чтобы не прикупить несколько у местных торговцев. Стены украшали пейзажи известных художников, а картины в кабинете Петра Алексеевича изображали сцены охоты. Сам Пётр Алексеевич на охоте ни разу в жизни не был, но рассматривать картины любил и никогда не упускал возможности приобрести новые. В библиотеке кроме массивных книжных шкафов было два диванчика разной величины с резными ручками и небольшой придиванный столик с гнутыми ножками для удобного чтения. Шёлковые ковры светлых оттенков в центре гостиной и библиотеки красовались замысловатыми восточными орнаментами. Окна занавешивали кружевные тюли, к тому времени уже вошедшие в моду, и благодаря им в доме всегда было солнечно и радостно.

С появлением Евдокии Герасимовны дом Пасюка стал ещё уютнее и теплее. На столах появились кружевные скатерти, вазы и вазочки с цветами, на диванах и кушетках удобно разлеглись подушечки и мягкие валики, на столике всегда лежала раскрытая книга, а на бюро недописанное письмо. Спальня с довольно громоздкой кроватью и комодом заполнилась всевозможными дамскими штучками – пухами, трюмо, стоящими на нём шкатулками, подсвечниками и статуэтками, отчего приобрела поистине манящий вид и стала любимым местом и Петра Алексеевича. Он обожал жену, благоволил всем её прихотям, и ни для кого не было тайной, что выбрал он её не столько по расчёту, сколько по большой любви. Евдокия Герасимовна не слыла красавицей, но стоило ей начать незамысловатый разговор, как собеседник был очарован ею навсегда. Так произошло и с Петром Алексеевичем. Он познакомился с Дуняшей Михайловой, когда той едва исполнилось семнадцать...

В один из субботних летних вечеров, по обыкновению проводимых в Английском клубе за игрой в карты, Герасим Фёдорович Михайлов – владелец суконной фабрики – познакомился с Петром Алексеевичем Пасюком. Пасюк имел не большой, но уже и не маленький по городским меркам, чугунолитейный завод, который сам построил и наладил производство. Завод развивался и разрастался небывалыми темпами, и вскоре Пётр Алексеевич, довольно молодой

для заводовладельца, стал одним из самых богатых жителей Катинска. Герасим Фёдорович с первых минут знакомства углядел в Пасюке хваткого предпринимателя, не лишённого при этом скромности и обаяния.

Пётр Алексеевич тридцати семи лет отроду был высокого роста и крепкого телосложения, которые выдавали в нём человека неизбалованного и привыкшего к физическому труду. Он был немногословен, и посещение им Английского клуба, вероятно, было связано с деловой встречей. Герасим Фёдорович до этого никогда его не встречал, хотя был наслышан о развивающемся чугунолитейном производстве.

Пасюк долгое время молча стоял за спинами игроков и, казалось, неотрывно наблюдал за интересным ходом партии, но сам в этот вечер за стол так и не сел. Со стороны Пётр Алексеевич выглядел задумчивым – по всему было видно, что он погружён в свои мысли и решает какую-то трудную задачу. Лоб его периодически покрывался выраженными горизонтальными морщинками, взгляд хмурился. Он был азартен в игре, и такой же живой азарт испытывал только в работе.

В перерыве между партиями хозяин клуба представил его всем присутствующим. Завязалась непринуждённая беседа, и Пасюк был приглашён Герасимом Фёдоровичем вместе с ещё несколькими участниками разговора на званый обед следующего воскресенья в загородную усадьбу.

Когда Пётр Алексеевич вошёл в гостиную, все были в сборе. С тремя приглашёнными он был знаком по Английскому клубу, двоих знал по городским собраниям промышленников. Трое гостей явились с жёнами, двое были неженаты. В гостиной был накрыт закусочный стол, уставленный графинчиками с холодной водкой, шампанским в ведёрках со льдом, ветчиной, икрой, горчицей, хреном, сыром, тарталетками с говяжьими мозгами и маринованными сельдями. Мужчины, стоя у стола, вели оживлённую беседу и закусывали водку и настойку, приготовленную по особому рецепту, маленькими кусочками ветчины и бутербродами с икрой. Женщины расположились на роскошном диване и перешёптывались друг с другом, искоса поглядывая на мужчин. Пётр Алексеевич поздоровался, чем привлек всеобщее внимание, и теперь все взгляды были прикованы только к молодому человеку. На нём был светло-бежевый костюм-тройка с цветным шёлковым жилетом, который тут же оценили все дамы без исключения. Фасон костюма удовлетворял европейским модным тенденциям. И белая рубашка с округлым воротником, и позолоченные запонки тоже были из последней коллекции, что отметили про себя особо разбирающиеся в моде. Галстук был просто шикарен и, скорее всего, стоил немалых денег.

Герасим Фёдорович представил присутствующих друг другу и минут через пятнадцать, когда гости нагуляли аппетит, пригласил всех в столовую. Обеденный стол украшали высокие вазы с белыми гладиолусами и лилиями разных оттенков, начиная с бледно-жёлтых и заканчивая ярко-оранжевыми. Сервировке стола мог позавидовать любой. Столовый сервиз тонкого белого фарфора с изящной золотистой каймой, венецианский хрусталь, белая шёлковая скатерть – всё это, как и обстановка в доме, говорило об изысканном вкусе и положении его хозяев.

Вслед за гостями и хозяином в столовую вошли жена Герасима Фёдоровича Мария Степановна и их единственная дочь Евдокия – девица семнадцати лет.

На первое подали стерляжью уху. По глубоким тарелкам её разливала сама хозяйка, черпая маленьким половником из массивной супницы. Рыбий бульон, посыпанный свежей зеленью укропа и лука, золотился капельками янтарного жира и источал такой насыщенный аромат благодаря добавлению в уху мелких ёршиков и окуньков, что присутствующие захлебнулись слюной. Вслед за ухой на столе появились румяные пироги и кулебяки, а также сухарики, которые можно было размачивать прямо в бульоне. Мужчинам предложили водку, а женщинам белое вино. За ухой следовала буженина под луком и осётр, фаршированный овощами и грибами, под сметанным соусом. За время обеда блюда поменялись четырежды. На четвёртую

перемену подали утку под рыжиками с гречневой кашей. Отказать хозяйке, которая подкладывала на тарелку ещё кусочек, ещё один и ещё... было невозможно.

За продолжающимся не час и не два обедом, неспешными разговорами и обсуждениями городских новостей Петру Алексеевичу удалось рассмотреть хозяйскую дочку во всех подробностях.

Дуняша, так называли родители дочь, красотой не отличалась, но фигурка её, затянутая в корсет атласного платья цвета бирюзы, которое украшало кружево более светлого тона, была безупречной. Небольшие, но живые серые глаза меняли оттенок так же быстро, как менялось настроение их обладательницы, и выдавали в ней острый подвижный ум. Белёдые брови, тонкие губы и рябоватая кожа на открытых плечах и руках совершенно не портили её юного очарования. Лёгкие рыжеватые кудряшки придавали ей миловидности и непосредственности. Завитки волос подпрыгивали, словно пружинки, стоило девушке повернуть голову в сторону гостя.

– Пётр Алексеевич, расскажите о себе, – голос её был звонким и нежным одновременно. – Отец рассказывал, что вы родом не из этих мест.

Дуняша села на краешек маленького диванчика, удачно спрятанного от посторонних глаз в алькове столовой, а Пасюк устроился рядом на небольшом кресле. Выдалось удобное для разговора время, когда остальные мужчины удалились на перекур, а женщины поспешили в сад прогуляться и подышать свежим воздухом. Молодые люди, которые явно были интересны друг другу, не упустили эту возможность. Пётр Алексеевич, начав рассказ, засмотрелся на руки собеседницы – длинные тонкие пальчики выдавали в ней истинную аристократку. Тонкое золотое колечко с миниатюрным васильковым шпинелем – подарок отца ко дню рождения – отбрасывало тонкие голубоватые лучики на нежную полупрозрачную кожу.

– Мой отец из потомственных мастеровых, работал, как и все его предки, на золотых промыслах. Будучи подростком, он наравне со взрослыми занимался промывкой руды. Позже его назначили руководителем бригады, затем смотрителем по всему золотому производству на Берёзовском заводе, стали привлекать для работы по обнаружению и добыче золота в разные места Урала и Сибири.

Позднее он был назначен горным техником Берёзовских золотых промыслов и руководителем завода. Кроме этого он был изобретателем. Придумал и усовершенствовал промывальную машину, благодаря которой добыча увеличилась в несколько раз.

Умер он в Екатеринбурге, откуда я родом. Отец оставил мне приличное состояние, на которое я и открыл свой завод, заложив его первый кирпич в Катинске.

– Это очень интересно, Пётр Алексеевич, – Дуняша слушала его, затаив дыхание. Ей было очень интересно узнать и о первых золотоискателях, и о золотых жилах, и о найденных самородках-гигантах весом до двадцати килограммов. Да и сам Пасюк был интересным собеседником.

– Дуняша, у меня, по сути, рабочие руки, я участвую в создании и расширении своего производства самолично. Многим это может показаться странным, но я так живу.

На этом их беседа прервалась, так как всех вновь пригласили к столу.

Обед в усадьбе Михайловых плавно перетёк в ужин, который продолжался до позднего вечера. Теперь вся компания переместилась на веранду.

К столу подали ягодное суфле, бисквит, миндальное печенье и мороженое. Чай наливали из пузатого тульского самовара; топили берёзовой щепой и еловыми шишками, от которых дым был запашистым и не разъедал глаз. К чаю выставили варенья сортов двадцати, не меньше. У Марии Степановны всегда было много припасов на зиму – она славилась гостеприимством и любила потчевать гостей кулинарными изысками. Чаепитие сопровождалось всеобщим весельем – Герасим Фёдорович был большим мастером анекдотов, и гости всегда просили его рассказать какую-нибудь увлекательную историю из тех, которые он крепко держал в памяти

и припасал именно для таких случаев. Дуняша тоже была прекрасной рассказчицей, и если говорила, то завоёвывала внимание окружающих незамедлительно.

После этого званого обеда Пётр Алексеевич зачастил в дом Михайловых, где его каждый раз принимали с особой радостью. Дуняша тоже с нетерпением ждала этих воскресных встреч.

– Почему Пётр Алексеевич приехал в наш город, маменька? Ведь он мог остаться в Сибири или на Урале и продолжить дело отца, – как-то перед тем, как удалиться в свою спальню, спросила Дуняша у матери.

– Это судьба, не иначе! Он приехал в Катинск, чтобы повстречаться с тобой. Я вижу, что он тебе понравился?

Дуняша молча кивнула, и красноватые пятна расползлись по её щекам...

Не прошло и месяца, как Пётр Алексеевич сделал Дуняше предложение. Они тут же обручились, а вскоре и обвенчались.

После свадьбы Дуняша, а теперь она стала Евдокией Герасимовной Пасюк, переехала в новый дом Петра Алексеевича. И дом сразу ожил – в нём запахло сдобой и чесночными пампушками, которые очень любил Пётр Алексеевич, цветами, мёдом, вареньем и чем-то необыкновенно тёплым. В доме тут же поселились две кошки и попугай в клетке. Кошки всё время пытались ухватить попугая сквозь металлические прутья, и когда им это не удавалось, сидели в сторонке и наблюдали, как крючконосая птица с весёлым хохолком на голове гордо вышагивала взад-вперед и произносила непонятные кошкам слова: «Дурррак! Сам дуррррак!» При этом косила на кошек жёлтым глазом, держа их в поле зрения.

Первые роды Евдокии Герасимовны прошли тяжело, и мальчик вскоре умер, так как родился недоношенным, слабеньким и до конца несформировавшимся. А через год в семье Пасюков родилась Марфуша, в которой родители души не чаяли и поэтому баловали, как могли, но в то же время воспитывали по всем надлежащим тогдашним правилам.

Пётр Алексеевич был владельцем одного из крупнейших чугунолитейных заводов в стране. А Евдокия Герасимовна унаследовала от отца суконную фабрику. Марфуша вдобавок к богатому наследству получила хорошее образование. По рекомендации купца немецкого происхождения Ульмана, который открыл в Катинске первую библиотеку и книжный магазин с маленьким читальным залом, Пётр Алексеевич выписал для дочери гувернёра и учителя из самой Германии. А позже отправил её туда же на учёбу. Марфа с успехом окончила самый престижный Гейдельбергский университет имени Рупрехта и Карла, который к тому времени отметил пятисотлетний юбилей.

Университет, расположенный на севере города Гейдельберг, недалеко от Люксембурга и границы с Францией являлся самым древним университетом на территории Германии. Он был основан в конце тринадцатого века выходцами из Сорбонны, что делало его четвертым по возрасту университетом Европы.

Лицом университета того периода были юридический и философский факультеты. Но вместе с гуманитарными науками развивались и науки естественные, что очень понравилось русским студентам. Университет стал поистине интернациональным. Русские в Гейдельберге – это отдельная история. В конце девятнадцатого века этот город стал русской научной меккой того времени. Для этого были все предпосылки. Недалеко находился Баден-Баден, рукой подать было до Италии и, конечно, соседство со столицей мира – Парижем сыграло первостепенную роль. Здесь можно было посетить крупнейшие научные лаборатории и послушать лекции светил мировой науки. Или просто надышаться атмосферой театров, салонов, кафе, бульваров.

Медицинская школа существовала в университете ещё со средних веков и имела высокую репутацию как в образовании, так и в исследованиях, проводимых на базе крупного госпиталя при университете.

Новые пути в науке пролагались, что в прочем никого не удивляло, именно преподавателями медицинского факультета, от которых Марфуша и заразилась идеей продления молодости. Продление молодости, а в конечном итоге всей жизни человека, и стало смыслом её существования...

Марфуша без труда поступила в университет – она в совершенстве знала и владела немецким и французским языками, которым обучил её гувернёр. Евдокия Герасимовна рано научила дочь читать и привила ей почти болезненную привязанность к чтению, которой страдала сама. Не было дня, чтобы Марфа так же, как и мать, не прочитали хотя бы одну страницу новой книги. Марфуша, будучи ещё ребёнком, перечитала все книги из родительской библиотеки. Новинки литературы, каталоги, модные заграничные журналы доставлялись к ним в дом рассылными прямо с железнодорожного вокзала. Семья Пасюков слыла в Катинске известными книголюбями. Пётр Алексеевич имел связи с известными европейскими издательствами.

Речь Марфы была красивой, изобиловала научными понятиями, которыми она с лёгкостью оперировала. Среди однокурсников она выделялась ясным умом, способностью чётко формулировать мысли и рассуждать, приводить доказательства, доводить дискуссию, возникшую в ходе обсуждения, до логического завершения. Она была прекрасным оратором и, распадаясь, сама получала истинное удовольствие от риторики. При этом некрасивое лицо её становилось прекрасным. Глаза горели неистово, щёки пылали, густые волосы, растрепавшись, создавали некий ореол, привлекающий внимание всех без исключения.

Марфуша полюбила университетский городок, расположенный на северо-западе федеральной земли Баден-Вюртенбург на берегу реки Неккар, с первого дня пребывания в нём. Это было одно из самых романтических и живописных мест Германии. Старинные замки, красивые сады, средневековые улочки и церкви – всё это и многое другое придавало городу очаровательный и неповторимый вид. Здесь всегда царила оживлённая атмосфера, которая создавалась благодаря студенчеству, составляющему пятую часть его населения.

Часовые перерывы между лекциями, семинарами и занятиями в лабораториях при госпитале давали возможность студентам хотя бы немного передохнуть и пообщаться. Расписание лекционных и практических занятий было настолько насыщенным, что они едва успевали перейти из одной аудитории в другую. Послеобеденное время студенты проводили в университетском парке. Расположившись на шелковистых газонах, они тихо разговаривали, повторяли учебный материал, некоторые успевали задремать в тени развесистых каштанов и кряжистых дубов. На скамейках удобно располагались влюблённые парочки, которых среди студентов можно было с лёгкостью насчитать не один десяток.

Марфа обычно уединялась в дальнем углу парка. Сокурсники стали ей неинтересны уже после первых семинарских занятий, на которых многие старались оставаться незамеченными и от этого молчали, принимая задумчивый вид. Сами, однако, ждали только одного – когда же закончатся занятия. В первую неделю учёбы Марфуша обследовала университетский парк, занимающий огромную площадь, и обнаружила в нём удобное для отдыха местечко. Кто-то, очевидно давно, поставил две скамейки так, что они находились на расстоянии вытянутой руки напротив друг друга. Судя по всему, этот кто-то устроил себе удобное место для свиданий. И Марфа, не найдя в течение нескольких дней хозяина этого тайного места, захватила его в своё пользование. Сидя на одной скамейке, она снимала туфли и вытягивала длинные, некрасивые, как она сама считала, ноги на противоположное сиденье, шевеля уставшими пальцами. Так она полусидела или полулежала, закрыв глаза, в раздумьях. Иногда шептала что-то, чаще бубнила, повторяя вслух формулы и определения терминов. Ей очень полюбилась латынь, и она развлекалась, повторяя вслух известные афоризмы «*Dum spiro spero*», «*Ignoramus et ignoramibus*», «*Ex ungue leonem*», «*Fiat Roma, et ubi illa nunc est?*»

Здесь Марфа впервые увидела Томаса.

Он сидел на скамейке, которая к этому времени стала для Марфы любимой, закинув ногу на ногу. Во рту его нервно блуждал кончик маленького затупившегося карандаша. Взгляд застыл на увесистом фолианте, старинном, по-видимому. На соседней скамейке лежала кипа каких-то бумаг, готовых в любую минуту разлететься от порыва сухого осеннего ветра, способного проникнуть даже в это защищенное от постороннего глаза густой порослью сирени и миндаля место. Страницы книги были придавлены камешками, а пачку исписанных листов бумаги придерживал кожаный ботинок. Второй ботинок был на своём законном месте и украшал ногу хозяина.

– Добрый день! – Марфа опешила вначале, не ожидая увидеть кого-либо. Она подумала, что это один из студентов, без смущения уселась рядом и по обыкновению, задрав чёрную шерстяную юбку до колен, вытянула ноги на соседнюю скамейку. Её чёрные лаковые туфли, похожие на мужские не только размером, но и внешним видом, покоились рядом.

– Томас! – представился хозяин ботинка и попытался встать на одну ногу, но не удержался, потерял равновесие и плюхнулся обратно, неловко протягивая Марфе руку.

Марфа звонко захохотала: она и сама часто бывала столь же неуклюжей.

– Я – Марфа Пасюк, учусь на медицинском факультете. Это место моё! – утвердительно сказала она.

– Да, нет же! Оно моё! Я часто здесь занимаюсь, – Томас внимательно рассматривал девушку, слегка прищурившись.

Марфа тоже без капли стеснения смотрела на нового знакомого. Он был невысок, о чём говорил небольшой размер его ботинка, в меру упитан. Строгий костюм придавал ему возраста, но лучистые карие глаза выдавали юношеский азарт. Кудрявые тёмные волосы были аккуратно уложены: на них без труда можно было увидеть следы глицерина. Так обычно поступали с непослушными вихрами, разлетающимися в разные стороны от малейшего движения головой. Редкая седина скорее говорила не о его возрасте, а о многочисленных переживаниях. На лице не было и малейшего намёка на щетину. Или растительность была редкой, чего нельзя было предположить, глядя на шевелюру, или щёки подвергались тщательному уходу. Марфа решила, что второе ближе к истине, и отметила про себя исключительно аккуратный вид студента.

– Я тебя не видела здесь раньше! Ты на каком факультете учишься?

Томас замешкался на минуту, не нашёлся, что ответить, но тут же, решив не говорить правды, пробурчал:

– Я недавно приступил к учебе... Был болен...

Томас и Марфа встречались ежедневно во время обеденного перерыва. Их короткие свидания продлились до следующего семестра. Достаточно было и получаса, чтобы они могли наговориться от души. Наступившая зима, дождливая и серая, с запахом сырости и прелых листьев не была им помехой. Молодые люди, казалось, отогревались около друг друга. Они почувствовали то, что называют единением душ, в тот момент, когда в первый раз заговорили. Теперь они сидели на скамейке, тесно прижавшись, укрытые зонтом от порывов промозглого северного ветра, и делились друг с другом новостями студенческой жизни. Томас часто рассказывал об истории Гейдельберга, о великих учёных, музыкантах и писателях, проживающих в разное время в этом красивейшем городе Германии. Об истории университета и студенческой тюрьме, где отбывали наказание провинившиеся студенты, и даже побывал Марк Твен для получения необходимых ему впечатлений. Об останках первого человека в Европе, обнаруженного здесь совсем недавно в результате археологических раскопок, признанного предшественником неандертальцев и получившего название Гейдельбергский человек. Всё, что Марфа слышала от Томаса, заставляло её ещё больше полюбить этот город.

Она не сразу заметила, что вместе с её любовью к Гейдельбергу, зародилось и начало расти большое чувство к Томасу Нойману.

По выходным дням они совершали небольшие экскурсии. Томас, рождённый и выросший в Гейдельберге, показал Марфе все его достопримечательности. Старый замок на склоне горы Кенигштуль – основную резиденцию правителей курфюрстов Пфальца вплоть до конца семнадцатого века, разрушенный войсками Людовика Четырнадцатого в ходе войны за пфальцское наследство. Старый мост Карла Теодора, который украшала скульптура богини мудрости Минервы, являющаяся покровительницей Гейдельбергского университета, с четырьмя аллегорическими изваяниями, персонифицирующими первые его факультеты. Любимым местом Марфы стала университетская библиотека. Это архитектурное сооружение покорило Марфу не только изысканностью внешнего вида, но и тишиной читальных залов, которые магически притягивали её возможностью получить неограниченное количество знаний. Здесь, обложившись учебниками, они с Томасом засиживались далеко за полночь. Иногда Марфа засыпала, положив голову на скрещенные на столе руки, и тогда Томас терпеливо оберегал её сон.

На прогулках Марфа преображалась. С Томасом она чувствовала себя нежным цветком, находящимся под защитой внимательного садовника, несмотря на то, что была на полголовы выше его и крупнее. Они дурачились, догоняя друг друга, собирали осенние букеты из резных кленовых листьев, подолгу сидели на открытых террасках уличных кафе и ресторанчиков, пили горячий кофе со сливками и большими кусками рассыпчатого куска хлеба, ели сочные свиные колбаски с квашеной капустой, кормили бродячих собак остатками обеда.

Первый семестр пролетел как одно мгновение.

Каково же было удивление Марфы, когда в начале второго семестра в аудиторию вошёл её друг Томас и представился преподавателем новой дисциплины профессором Томасом Нойманом. Она не знала, что делать в этот момент и как себя вести потом – краснела, бледнела, потела на протяжении всего занятия. Он напротив, как казалось, был невозмутим.

Томас Нойман объявил тему лекции и читал её воодушевленно, увлекая студентов интересными примерами из собственной практики. Те слушали его, не отрываясь, и даже задавали вопросы. Лишь Марфа не услышала ни слова – ей как будто набили уши ватой, настолько она была ошарашена появлением Томаса и неловкостью ситуации. Она даже не поняла, о чём будет лекция. Уставившись в одну точку письменного стола, она так и просидела до конца занятия будто каменное изваяние.

Томас задержался, нарочно неторопливо складывая учебники и лекционные записи в огромный кожаный портфель с позолоченными замками. А когда все студенты покинули аудиторию, Марфа на трясущихся от волнения ногах подошла к нему.

– Марфа, поговорим обо всём вечером после занятий, – сказал он коротко, глядя ей прямо в глаза. – Приходи в кафе «У Клауса» на Гауптштрассе, я буду ждать тебя в десять.

Марфа знала это место. Кафе располагалось в Старом городе на самой длинной пешеходной улице протяженностью более полутора километров. В выходные дни она иногда позволяла себе прогуляться по ней, чтобы насладиться гармонией архитектурного ансамбля с преобладающими красными крышами невысоких домиков, который не одно столетие восхищал умы художников и поэтов. Старый город в стиле боккеро был главным достоянием Гейдельберга.

Томас ждал Марфу недолго. В кафе было тихо и уютно, почти по-домашнему. Посетителей было мало – старичок в мятом драповом пальто, сидевший у окна, отогревался горячим супом с фрикадельками, и две женщины средних лет, по-видимому подруги, тихонько болтали, встретившись после продолжительной разлуки. Красное французское вино в фужерах оттепляло и без того их покрасневшие от смеха лица. Тёплый мерцающий свет придавал помещению дополнительный уют. Он разливался по стенам светлого терракотового цвета, блуждал по картинам с изображением видов старого Гейдельберга и наполнял кафе комфортом и спокойствием. Пахло сдобой, ванилью и корицей. Томас занял столик в глубине кафе и заказал простой, но сытный ужин для них двоих – гигантские пельмени маульташен, напоминающие Марфе пельмешки ее матери, которые та специально лепила для своей малышки. Согласно

немецкой легенде это кулинарное изобретение принадлежало обитателям монастыря Маульбонн. В Страстную пятницу, когда употребление мяса было запрещено, хитрые послушники тайком наполняли наспигованные зеленью постные пельмени фаршем.

Яблочный штрудель и крепкий чай, который Марфа не хотела менять ни на какие другие традиционные напитки, завершал ужин вечно голодных студентки и преподавателя. Томас любил кофе и не отказался от него и в этот раз. Марфа, вероятно от большого волнения, проглотила горячие маульташен, не замечая их вкуса. И только глотнув чаю, начала понемногу успокаиваться. Томас ждал. Он готов был объясниться, но не был уверен, что Марфа готова его слушать и слышать.

Когда её чайная чашка опустела, она, наконец, подняла на Томаса глаза. В них было непонимание и немой вопрос.

– Я не хотел тебя пугать, Марфа, – произнёс он, на минуту задумавшись, – поэтому обманул тебя. Скажи, если бы ты сразу узнала о том, что я преподаватель, то согласилась встретиться со мной? Мне кажется, что нет. Мой обман позволил нам лучше узнать и полюбить друг друга. Ведь это так, скажи! – и он накрыл горячей ладонью её руку, всё ещё нервно дрожащую.

– Да, так! – Марфа кивнула, не задумываясь, и всё в её душе и теле успокоилось. Её выдох был еле слышен.

Она давно доверяла Томасу и знала, что он говорит правду. Они любят друг друга, и ничто не может помешать их любви. Всё будет по-прежнему. Она приняла очевидное без лишних слов.

– Мы должны быть вместе, Марфа. Это понятно нам обоим, и поэтому я прошу твоей руки. Принять мое предложение ты можешь в любое время – я буду ждать тебя столько, сколько потребуется.

В этот вечер Томас рассказал Марфе, которая по-прежнему оставалась немногословной из-за пережитого в последние часы, историю своего отца Иосифа Ноймана...

Иосиф Нойман был в Гейдельберге известным доктором. После окончания университета он остался работать в университетском госпитале и преподавал на кафедре биологии и медицины. Будучи совсем молодым, он защитил докторскую диссертацию по проблемам лечения онкологических заболеваний и получил научную степень и звание профессора. Попастъ к нему на приём стремились многие несчастные, которые потеряли всякую надежду ни излечение. Часто к нему привозили тяжёлых больных, которым был подписан смертный приговор. Больные и их родственники считали за удачу, если выпадала возможность попасть в руки доктора Ноймана, ведь многие приговорённые получали шанс на продолжение жизни. Он брал на себя только самые тяжёлые или интересные с точки зрения науки случаи. В остальном лечение и ведение больных Нойман доверял своим ученикам – последователям нетрадиционных, часто ещё экспериментальных, методов лечения.

– Так, так! Посмотрим, что у нас здесь... Что, мой дорогой, приуныли? Не нужно думать о плохом. Давайте вместе подумаем, что можно сделать, – так обычно говорил доктор Нойман, осматривая больного.

Он заговаривал его – заставлял рассказывать о своей жизни, семье, детях и внуках. И на удивление консультантов, вызванных на врачебную комиссию, больной, забывая о болезни, вспоминал смешные случаи из детства, рассказывал о родителях, о первой любви, о домашних животных и своих увлечениях. Уже через несколько минут общения с больным доктор отчётливо представлял схему будущего лечения и точно знал, что или кто будет являться мотивирующим фактором и залогом успешного лечения.

Однажды на приём к Иосифу Нойману пришла молодая девушка, почти девочка. На вид ей было не более двадцати лет.

– Что вас привело ко мне, моя милая? – Нойман как всегда нацепил на нос пенсне и взял в руки стетоскоп орехового дерева, подаренный ему на выпускном вечере любимым преподавателем Мартином Гердтом.

– Доктор, я старею, – едва слышно проговорила она, и слёзы побежали по её бледным щекам.

Иосиф с удивлением поднял глаза и внимательно рассмотрел юное создание, по непонятным причинам говорившее ему о старости. Она была хороша – белокурые волосы аккуратно уложены вокруг головы косами, яркие голубые глаза, такие невинные, что, глядя в них, можно было подумать об ангеле, спустившимся с небес на землю. «Кожа бледновата не по возрасту», – отметил про себя Нойман и продолжил рассматривать девушку, – «небольшая синюшность над верхней губой – вероятно признак сердечной недостаточности».

– Осмелюсь спросить, что заставило вас так думать?

Он жестом велел ей расстегнуть пуговицы платья и приложил выдавшую виды старинную трубку к груди. «Худовата, даже слишком, но в остальном никаких видимых отклонений как будто нет», – рассуждал он про себя. – «Фигура при всей худобе идеальна – длинная шея, высокая посадка головы, небольшие плечики и изящные руки. Статуэтка, по-другому и не скажешь».

– Доктор, у меня начали обвисать мочки ушей, – и девушка дотронулась тонкими пальчиками до поблёскивающей серьги, украшавшей ухо. Голос её дрожал.

У Ноймана от услышанного подпрыгнули вверх брови, и он не смог скрыть удивления. Он редко чему удивлялся в последнее время, но вынужден был признать, что девушка вызывает в нём неподдельный интерес.

– Итак, моя дорогая, как ваше имя и откуда вы ко мне приехали? – продолжил разговор доктор, улыбаясь одними глазами. Он всегда так делал, сам же продолжал прислушиваться к звукам и сигналам, которые посылало тело пациента.

– Доктор, я из Эппельхайма. Ирма Миллер, – представилась она.

– Объясните ещё раз, Ирма Миллер, с чего вы взяли, что вы стареете? Только не говорите мне о своих прекрасных ушах, ну, право это смешно! По моему мнению вам ещё очень рано не только говорить о старости, но и думать о ней, – Нойман улыбнулся открыто и дружелюбно.

– Доктор, прошу вас, не смейтесь надо мной. Все считают, что я схожу с ума. И родители, и знакомые. Но я-то точно знаю, что я вполне адекватна. Я старею. И это не выдумка. Этого пока никто не замечает, но это так. В моём организме происходят изменения, которые позволяют мне утверждать, что я старею. Я сильно устаю, у меня болят суставы, и к вечеру я ощущаю себя полной развалиной. Причины моего плохого самочувствия мне непонятны, поэтому я приехала к вам. Спасибо за то, что согласились осмотреть меня. На вас моя единственная надежда.

– Ну, что же, моя дорогая, посмотрим-посмотрим... – доктор Нойман уже потирал руки в предчувствии поиска решения трудной задачи, поставленной перед ним этим интересным на его взгляд случаем, впервые попавшимся ему за время многолетней врачебной практики.

Он начал лечение с общей терапии – прописал успокоительные и общеукрепляющие, списывая поведение Ирмы на нарушение её психического состояния. Другого объяснения у доктора не было. Видимых признаков соматических заболеваний он пока не обнаружил и решил вести постоянное наблюдение за пациенткой. Он завёл на Ирму Миллер врачебный дневник, что делал только в исключительных случаях. Она была интересна ему не только как пациентка; что-то неуловимое заставило Иосифа заинтересоваться девушкой. Искренность, откровенные слёзы, ангельские глаза, вера в него как единственного спасителя? Он не мог ответить на этот вопрос.

Раз в неделю Ирма приезжала из Эппельхайма, где жила в небольшом особнячке со старыми родителями и тётушкой по материнской линии. Вторник был днём, который Нойман

отвёл специально для иногородних пациентов. Иосиф заметил, что в следующие два посещения она стала спокойнее, и бледность кожи сменил еле заметный румянец. А вот сердечные ритмы заставили его задуматься. Что-то действительно происходило, и ему предстояло понять это как можно быстрее.

В конце месяца Иосиф Нойман записал в дневнике: «Пациентка Миллер стареет. В этом нет никаких сомнений. За тридцать дней наблюдений мышечный тонус ослаб, кожа стала тоньше и прозрачнее, суставы воспалены, появилась седина в волосах и мелкие морщины на лице, в сердце прослушивается явная аритмия».

Иосиф определил Ирму в госпиталь, чтобы видеть её каждый день. Он наблюдал за её быстрым старением и не мог найти ни причин, ни способов предотвратить его.

Идея пришла неожиданно, в тот момент, когда он читал лекцию о «бессмертии» в мире животных. «Старение – есть процесс постепенного угнетения основных функций организма, приводящий к ухудшению качества тканей, репродуктивной функции, мозговой активности. И, что самое неприятное, – здоровья. Ведь не так страшна сама старость, как возрастные заболевания вроде онкологий», – читал Нойман, и идея излечения девушки зарождалась, принимала чёткие очертания и казалась вполне реальной. – «Это очень сложный, комплексный и многокомпонентный процесс. Но самое главное в этом процессе то, что он необязателен! Есть животные с так называемым пренебрежимым старением. Они годами не портятся ни внешне, ни функционально и остаются такими же активными и плодовитыми. Смерть их может наступить только по роковой случайности, вероятность которой, что самое удивительное, не растёт по экспоненте с возрастом, как это происходит у людей, а остаётся на одном уровне в течение жизни, за исключением периода детства».

С этого дня Нойман потерял сон, аппетит и покой. Он стал молчалив и задумчив. Перечитал все справочники и энциклопедии, связался с мировой профессурой и наконец выяснил, что британский врач Джонатан Хатчинсон в 1886 году впервые описал случай преждевременного старения у шестилетнего мальчика, которое проявлялось атрофией кожи и её придатков. В дальнейшем его соотечественник и коллега Гастингс Гилфорд, изучив клинико-морфологические особенности этой патологии, ввёл термин «прогерия».

– Вот, значит, что это! Прогерия! Боже! – воскликнул Нойман, вспоминая ангельское личико Ирмы и рисуя возможные картины того, как оно будет выглядеть уже через год. «Тонкий клювовидный нос, суженное ротовое отверстие придают лицу маскообразность». Эти симптомы прогерии привели в ужас выдавшего виды профессора. – Это невероятно, один случай на десятки миллионов и этот случай мой! Что же мне делать?

Нойман впервые не знал, что ответить самому себе – он прекрасно понимал, что прогноз на выздоровление у Ирмы самый неблагоприятный. Это заболевание не лечится, и срок, отведённый девушке очень короткий – за год она постареет на пять-шесть лет. А самое печальное то, что в скором времени у неё могут возникнуть диабет, трофические язвы и злокачественные новообразования, которые свойственны старым организмам.

И всё-таки, несмотря на безысходность, он решил действовать и дать Ирме единственно возможный шанс. Вначале необходимо было рассказать ей о диагнозе и последствиях этого заболевания. Затем каким-нибудь образом, и он пока не знал, каким именно, попытаться заставить её захотеть бороться за каждый день жизни, отведённый Господом.

Нойман, зная, что излечить Ирму не представляется возможным, начал размышлять над тем, каким образом можно остановить процесс её старения или омолодить постаревший к тому времени, когда он найдет необходимое средство для этого, организм.

Вновь и вновь возвращаясь мыслями к «пренебрежимому старению» некоторых животных, он невероятно быстро пришёл к единственному на его взгляд решению нерешаемой задачи.

– Гидра! Только она сможет помочь нам, – говорил он Ирме, впавшей в отчаяние и отказывающейся от еды. – Я в этом уверен. Послушай, Ирма, что я расскажу тебе о гидре. Особенностью этого животного является то, что учёные даже не могут определить его возраст! Клетки гидры не подвержены старению, поэтому остаются вечно молодыми, и ничто не мешает ей прожить десятки тысяч лет. Учёные до сих пор не могут установить механизм бессмертия гидры, однако предполагают, что он является следствием особой формы полового размножения: при помощи особых клеток гидра клонирует сама себя. Эти клетки мы пересадим тебе.

Он гладил Ирму по голове и рукам, прижимал к себе, когда та заходила в рыданиях. Он и сам вместе с ней пытался поверить себе, проговаривая снова и снова механизм предстоящей процедуры.

– Ирма, дорогая! Я возьму вытяжку клеток гидры в период её размножения и введу их тебе под кожу. Сначала попробуем на закрытых частях тела и только потом на лице. Я уверен, что этот способ, хотя он будет считаться только экспериментальным, поможет тебе. Согласна ли ты быть первой, кто получит вакцину от старости?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.